

Юношеская идиллія Гоголя.

I. Объ изученіи идилліи „Ганць Кюхельгартенъ“.

амымъ раннимъ изъ сохранившихся произведеній Гоголя, если не считать мелкихъ, является его юношеская идиллія „Ганць Кюхельгартенъ“¹⁾. Не обладая эстетическими достоинствами знаменитыхъ созданій нашего великаго писателя и какъ бы совершенно потерявшись въ ихъ блескъ, она не только мало извѣстна широкой читающей публикѣ, но и не пользуется особеннымъ вниманіемъ со стороны людей науки; для подтвержденія послѣдняго мнѣнія достаточно указать на слѣдующіе факты: „Г. К.“ помѣщенъ далеко не во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Гоголя; нѣтъ ни одной работы, посвященной спеціально его изученію²⁾.

¹⁾ Ниже обозначается черезъ „Г. К.“

²⁾ Важнѣйшими пособіями для изученія „Г. К.“ являются болѣе или менѣе обширныя замѣчанія въ слѣдующихъ трудахъ: анонимныя статьи П. А. Кулиша: „Нѣсколько чертъ для біографіи Н. В. Гоголя“—въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1852 г., № 4, отд. VII, стр. 199 сл.; „Выправка нѣкоторыхъ біографическихъ извѣстій о Гоголѣ“—въ „Отеч. Зап.“, 1853 г., № 2, отд. VII, стр. 111, 117; его же

Но какъ ни бѣдна эта идиллія достоинствами, сколь ни кажется она ничтожной въ сравненіи со многими другими произведеніями нашего поэта, все-таки ей нельзя отказать въ полномъ вниманіи со стороны изслѣдователя: въ ней ярко отразились юношескія стремленія ея автора, сказались нѣкоторыя характерныя черты его творчества, проявилось вліяніе иностранной и русской литературы. Значить, изучая ее, можно добыть нѣкоторыя данныя для біографіи Гоголя и для исторіи развитія его творчества, а также уяснить себѣ характеръ и степень вліянія, которому онъ подвергся со стороны нашихъ и западныхъ писателей въ періодъ созданія „Г. К.“.

Выясненіе всего этого и является цѣлью предлагаемой статьи.

Однако, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію интересующей насъ идилліи въ указанныхъ отношеніяхъ, необходимо разрѣшить трудный вопросъ о времени ея созданія: вся работа, несомнѣнно, будетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если мы укажемъ, къ какой именно порѣ жизни Гоголя нужно отнести добытыя на основаніи изученія „Г. К.“ свѣдѣнія, а это, въ свою очередь, возможно только послѣ точнаго опредѣленія момента, когда создано поэтомъ названное произведеніе.

II. Время возникновенія идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ“.

та идиллія вышла въ свѣтъ въ іюнѣ 1829 г. подъ заглавіемъ: „Ганцъ Кюхельгартенъ. Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова. (Писано въ 1827 г.). СПб. 1829. Въ тип. А. Плюшара“.

(подъ псевдонимомъ Николай М.) „Опытъ біографіи Н. В. Гоголя“, СПб. 1854, стр. 37—40; его же (подъ тѣмъ же псевдонимомъ) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, СПб. 1856, стр. 66 сл.; А. Кояловичъ, „Дѣтство и юность Гоголя“—въ „Московскомъ Сборникѣ“, 1887 г., стр. 243—246; „Собраніе сочиненій Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 541—545; В. И. Шенрокъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. I, Москва 1892, стр. 154—163; его же, „Ученическіе годы Гоголя“, изд. II, Москва 1898, стр. 115—128, 138.

Тексту произведенія предшествовало слѣдующее предисловіе: „Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, если бы обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомить съ созданіемъ юнаго таланта“.

Вскорѣ послѣ появленія „Г. К.“ въ печати, о немъ были даны два неблагопріятныхъ отзыва—Полевымъ въ 12 № „Московского Телеграфа“, вышедшемъ въ концѣ іюня, и неизвѣстнымъ лицомъ въ 87 № „Сѣверной Пчелы“ отъ 20 іюля. Къ послѣднему отзыву присоединено извѣстіе, что „Г. К.“ продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Это извѣстіе важно въ томъ отношеніи, что имъ подрывается совершенно мнѣніе Кулиша¹⁾, согласно которому Гоголь сжегъ свою идиллію сей-часъ послѣ рецензіи Полевого²⁾: Гоголь, очевидно, не придалъ ей особаго значенія, а выжидалъ, что будутъ говорить дальше; съ этой же цѣлью онъ тайно разослалъ нѣкоторымъ знакомымъ экземпляры своей книги. Но такъ какъ послѣдніе безмолствовали или давали плохіе отзывы, то онъ мало-по-малу убѣждался въ слабости своего созданія, а рецензія „Сѣверной Пчелы“ имѣла въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе. Убѣдившись окончательно, что его произведеніе неудачно, онъ собралъ оставшіеся отъ продажи экземпляры и сжегъ ихъ.

1) „Отеч. Зап.“, 1852 г., № 4, отд. VIII, стр. 199; „Опытъ біографіи Н. В. Гоголя“, стр. 37; „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 66.

2) „Сочин. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 542.

Изъ сообщенныхъ выше данныхъ ясно видно, какъ ревниво Гоголь оберегалъ тайну, что „Г. К.“—его созданіе: такъ, онъ скрываетъ себя подъ псевдонимомъ, придумываетъ довольно туманное предисловіе, выслушиваетъ мнѣніе знакомыхъ, ни словомъ не обмолвившись о своемъ авторствѣ¹⁾; наконецъ, потерпѣвъ неудачу, старается уничтожить даже слѣды существованія своей идилліи. Уже въ виду этого обстоятельства подрывается довѣріе къ авторскому заявленію на заглавномъ листѣ: „писано въ 1827 г.“; быть можетъ, отодвигая на два года назадъ время возникновенія издаваемого сочиненія, Гоголь надѣялся совершенно уничтожить существовавшія, по его мнѣнію, подозрѣнія сожителя Данилевскаго и часто посѣщавшихъ его пріятелей, которые могли заставить его за письменной работой.

Во всякомъ случаѣ, не имѣя никакой возможности непосредственно опредѣлить, правдиво ли упомянутое сообщеніе, или оно придумано съ какой-нибудь цѣлью, мы не будемъ принимать его въ расчетъ при разрѣшеніи вопроса о времени возникновенія „Г. К.“.

Послѣднее наше замѣчаніе получить еще большую силу, если мы припомнимъ, что два наиболѣе близкихъ пріятеля Гоголя: А. С. Данилевскій²⁾ и Н. Я. Прокоповичъ³⁾ высказались противъ возможности созданія „Г. К.“ въ 1827 г. Оба они утверждали, что, если бы идиллія была написана во время пребыванія Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ въ Нѣжинѣ, то, навѣрно, объ этомъ знали бы его товарищи.

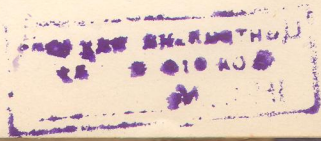
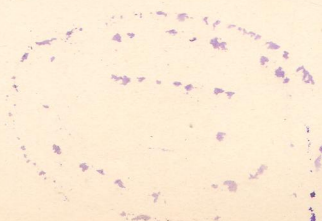
Такимъ образомъ выходитъ, что у насъ совершенно нѣтъ вполнѣ достовѣрныхъ прямыхъ указаній на время возникно-

¹⁾ Только одинъ человѣкъ кромѣ Якова, неграмотнаго слуги Гоголя, зналъ что „Г. К.“—произведеніе Гоголя; это былъ его пріятель Н. Я. Прокоповичъ (см. „Отеч. Зап.“ 1852 г., № 4, отд. VIII, стр. 199—200).

²⁾ Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 119, прим.

³⁾ Николай М., „Опытъ біографіи Н. В. Гоголя“, стр. 37, прим.; его же „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, т. I, стр. 66, прим.

1907

венія „Г. К.“, вслѣдствіе чего приходится довольствоваться при опредѣленіи даты заключеніями, какія можно извлечь изъ побочныхъ данныхъ.

Несмотря на это, наиболѣе авторитетные ученые при разрѣшеніи интересующаго насъ вопроса обнаружили полное согласіе: и Н. Тихонравовъ, и В. И. Шенрокъ ¹⁾ держатся того мнѣнія, что „Г. К.“ написанъ въ 1827 г. ²⁾ Однако, согласиться съ ними нѣтъ никакой возможности, что мы и постараемся сейчасъ показать, приведя и разобравъ аргументы, на которыхъ они основываютъ свое мнѣніе.

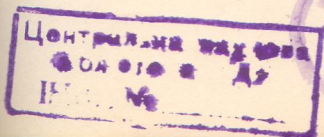
Во-первыхъ, оба названные ученые ссылаются на то, что въ Ганцѣ, героѣ идилліи, замѣчаются тѣ же порывы и стремленія, которые одушевляли Гоголя въ 1827 г. ³⁾

Для доказательства Шенрокъ сопоставляетъ родственныя по своимъ мыслямъ мѣста „Г. К.“ и писемъ поэта, относящихся къ 1827 г., при чемъ, желая усилить значеніе такого довода, подчеркиваетъ также и сходство встрѣчающихся тамъ и здѣсь выраженій. Однако, мы съ своей стороны должны замѣтить, что и близость мыслей, встрѣчающихся въ „Г. К.“ и въ письмахъ 1827 г., и сходство выраженій ничего не доказываютъ: тѣ порывы и стремленія, носителемъ которыхъ является Ганцъ, не оставили Гоголя и съ переселеніемъ его въ столицу: разсматривая внимательно письма, отправленные имъ

¹⁾ „Соч. Н. В. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 544—545; Шенрокъ, „Ученіческіе годы Гоголя“, стр. 119 сл.

²⁾ Кулишъ по этому вопросу опредѣленно не высказался, равно какъ и Кояловичъ; съ точки зрѣнія послѣдняго, „Г. К.“ могъ быть написанъ или въ 1827 г. или въ періодъ 1827—1829 гг. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что и у В. И. Шенрока нѣтъ на этотъ счетъ устойчиваго мнѣнія: съ одной стороны онъ приводитъ доказательство въ пользу того, что „Г. К.“ созданъ въ 1827 г., съ другой — въ прим. на 120 стр. („Учен. годы Гоголя“) заявляетъ: „можно бы еще допустить, что она (идиллія) была писана во время полугодовой жизни Гоголя въ деревнѣ въ 1828 г.“. Въ концѣ концовъ получается полная неопредѣленность, — не знаешь, какое же предположеніе кажется автору болѣе вѣроятнымъ.

³⁾ Шенрокъ, „Ученіческіе годы Гоголя“, стр. 119 сл.; „Сочин. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 544.

Гоголь

отсюда, точно также можно найти и въ нихъ параллели къ различнымъ мѣстамъ идилли и письмамъ школьнаго періода.

Изъ „Г. К.“

1) Все рѣшено. Теперь
ужели
Мнѣ здѣсь душою поги-
бать?
И не узнать иной мнѣ
цѣли?
И цѣли лучшей не сы-
скать?
Себя обречь безславыю
въ жертву?
При жизни быть для міра
мертву!
(„Сочин. Гоголя“, изд. X,
т. V, стр. 22) ¹⁾.

2) ...мысль и крѣпка. и
бодра
Его одна объемлетъ, му-
чить
Желаньемъ блага и до-
бра;
Его трудамъ великимъ
учить.
Для нихъ онъ жизни пе-
щадить (стр. 38).

3) И онъ спадетъ, по-
кровъ неясный,
Подъ коимъ знала васъ
мечта.
И міръ прекрасный, міръ
прекрасный
Отворить дивныя врата.
(Стр. 22).

Изъ школьных писемъ.

Какъ тяжело быть
зарыту вмѣстѣ съ созда-
ніями низкой неизвѣст-
ности въ безмолвіе мерт-
вое! Ты знаешь всѣхъ на-
шихъ существователей,
всѣхъ, населившихъ Нѣ-
жинъ. Они задавили ко-
рою своей земности, ни-
чтожнаго самодовольствія
высокое назначеніе чело-
вѣка. И между этими
существователями я дол-
женъ пресмыкаться.

(„Соч. и письма Н. В.
Гоголя“, изд. Кулиша,
т. V, стр. 56). ¹⁾

А что еще болѣе, за что
я всегда благодарю Бога,
это за свою настойчи-
вость и терпѣніе, кото-
рыми я прежде мало об-
ладалъ: теперь ничего
изъ начатаго мною я не
оставляю, пока совер-
шенно не окончу.

(„Русск. Старина“,
1876 г., № 1, стр. 44).

Изъ Петербургскихъ пи-
семъ.

Пресмыкаться дру-
гое дѣло тамъ, гдѣ каж-
дая минута жизни не
утрачивается даромъ, гдѣ
каждая минута—богатый
запасъ опытовъ и зна-
ній; но изжить тамъ
вѣкъ, гдѣ не предста-
вляется совершенно вне-
реди ничего, гдѣ всѣ лѣта,
проведенныя въ ничтож-
ныхъ занятіяхъ, будутъ
тяжкимъ упрекомъ зву-
чать душѣ,—это убій-
ственно!

(„Соч. и письма Н. В.
Гоголя“, изд. Кулиша,
т. V, стр. 83).

Вы не ошиблись,
почтеннѣйшая маминька:
я точно сильно пужался
въ это время, но впрочемъ
это все пустое.... Знаю
только, что если бы
второе, вчетверо, всо-
теро разъ было болѣе
нуждъ, и тогда онѣ бы
не поколебали меня и не
остановили меня на моей
дорогѣ (стр. 78).

Но, какъ много еще
и отъ меня закрыто тай-
ной, и я съ нетерпѣні-
емъ желаю вздернуть
таинственный покровъ
(стр. 79).

¹⁾ Шенрокъ, „Ученич. годы Гоголя“, стр. 120.

Такимъ образомъ выходитъ, что, сопоставляя отдѣльныя мѣста „Г. К.“ и писемъ, нельзя прійти ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. На основаніи такого сопоставленія можно съ одинаковымъ правомъ относить возникновеніе этого произведенія и къ школьному періоду жизни Гоголя, и ко времени пребыванія его въ Петербургѣ.

Правда, слѣдуетъ отмѣтить, что намъ не удалось найти въ письмахъ Гоголя изъ столицы параллели къ одному изъ приведенныхъ В. И. Шенрокомъ отрывковъ „Г. К.“, который очень собою напоминаетъ письмо къ Козяровскому¹⁾, но зато выше мы указали сходство между однимъ мѣстомъ идилліи и письмомъ изъ Петербурга отъ 30 апрѣля 1829 г., которому нѣтъ соотвѣтствія въ ученическихъ письмахъ Гоголя. Любопытно при

¹⁾ Вотъ эти отрывки изъ „Г. К.“ и письма къ Козяровскому:

Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой ли, къ счастью неостывшей,
Волненья міра не испытать?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
Существованія не отмѣтить?
(„Соч. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 22).

Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимой ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградить дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ, при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія это было для меня ужасно. („Русск. Старина“, 1876 г., № 1, стр. 41. Въ цитату Шенрока вкрались ошибки, которые мы, конечно, здѣсь устранили).

Весьма интересна параллель къ отрывку, приведенному изъ письма къ Козяровскому—параллель, находящаяся въ „Авторской исповѣди“: „мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра“ („Соч. Н. В. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 795). Изъ нея ясно видно, что даже спустя долгое время Гоголь для выраженія своихъ заветныхъ мыслей пользовался весьма сходными словами, а это обстоятельство въ свою очередь, лишний разъ показываетъ намъ, какъ шатки тѣ выводы, какіе дѣлаются на основаніи упомянутыхъ сопоставленій.

этомъ, что оба упомянутые отрывка довольно тѣсно связаны между собою, являясь составными частями восьмой картины, гдѣ изображаются мечты Ганца. Если этотъ фактъ—отсутствіе соответствія первому отрывку въ письмахъ изъ Петербурга, а второму въ школьныхъ письмахъ—объясняется вполне удовлетворительно простой случайностью, то нахождение самыхъ отрывковъ въ одной и той же картинѣ, которая могла быть написана въ теченіе очень непродолжительнаго времени, особенно сильно подтверждаетъ нашу мысль о томъ, что на основаніи приведенныхъ выше параллелей нельзя добыть сколько-нибудь точныхъ выводовъ.

Во-вторыхъ, стараясь подорвать значеніе свидѣтельства Прокоповича, который говоритъ: „Если бы Гоголь написалъ свою поэму (?) въ гимназій, то хоть отрывокъ изъ нея былъ бы извѣстенъ кому-нибудь изъ его тогдашней публики. Нѣтъ, эта поэма была написана именно въ то время, когда онъ проживалъ безъ дѣла въ Петербургѣ“, Тихонравовъ приводитъ отрывокъ изъ письма къ Косяровскому отъ 3 октября 1827 г.:

„Въ эти годы, эти долговременныя думы свои я затаилъ въ себѣ; недовѣрчивый ни къ кому, скрытный, я никому не говорилъ своихъ тайныхъ помышлений, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя. Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ. Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойныхъ“ („Русская Старина“, 1876 г., № 1, стр. 42) и затѣмъ добавляетъ: „въ этихъ строкахъ заключается объясненіе, почему даже ни одинъ „отрывокъ“ изъ „Ганца Кюхельгартена“ не былъ извѣстенъ „кому-нибудь изъ тогдашней (1827) публики“ Гоголя“¹⁾.

¹⁾ „Соч. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 544 сл.

Однако, и этотъ аргументъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается не выдерживающимъ критики.

Правда, приходится признать вполне доказаннымъ фактомъ, что Гоголь въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Нѣжинѣ отличался скрытностью: объ этомъ онъ самъ неоднократно заявляетъ въ своихъ письмахъ¹⁾, объ этомъ же свидѣтельствуемъ и прозвище „таинственный Карла“, какое ему дали товарищи²⁾. Но несмотря на это, есть основаніе предполагать, что въ упомянутомъ письмѣ онъ слишкомъ преувеличиваетъ свою замкнутость и несообщительность: „Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался“, говоритъ онъ, а между тѣмъ изъ писемъ къ Высоцкому ясно видно, что послѣдній зналъ о „высокихъ начертаніяхъ“ своего друга и, вѣроятно, оказалъ не малое вліяніе на ихъ выработку³⁾. Ему-то и могъ Гоголь сообщить хоть что-нибудь о своей идилліи, но ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ, которыя, кстати замѣтить, все относятся къ 1827 г., не говорится о ней ни слова.

Наконецъ, въ „Г. К.“ можно найти много такихъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ и помину о „высокихъ начертаніяхъ и долговременныхъ думкахъ“ автора; Гоголь могъ „опубликовать“ ихъ, вовсе не рискуя раскрыть глубины своей души. Принявъ это во вниманіе и припомнивъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе сообщ-

¹⁾ „Сочиненія и письма Н. В. Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, СПб. 1857, стр. 47, 71; П. В. Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, Кіевъ 1890, стр. 41 сл.

²⁾ „Воспоминанія А. С. Данилевскаго о дѣтствѣ и школьной жизни Гоголя“—въ „Ученическихъ годахъ Гоголя“ В. И. Шенрока, стр. 41.

³⁾ Срв., напримѣръ, хотя слѣдующій отрывокъ изъ письма отъ 17 января 1827 г.: „Съ первоначальнаго нашего здѣсь пребыванія, уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни. Половина нашихъ думъ сбылась; ты ужъ на мѣстѣ, уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ“ (Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, стр. 39 сл.).

щать свои юношескія произведенія товарищамъ, приходится признать вполне основательность заявленія Прокоповича¹⁾.

Итакъ, если, разбирая первый аргументъ названныхъ выше ученыхъ, мы не добыли никакихъ данныхъ для опредѣленія времени возникновенія „Г. К.“, зато на основаніи критики второго²⁾ мы пришли къ вполне вѣроятному выводу, что эта идиллія не могла быть написана Гоголемъ, когда онъ еще жилъ въ Нѣжинѣ; слѣдовательно, созданіе ея относится къ послѣдующему времени.

Теперь ближайшая наша задача состоитъ въ томъ, чтобы болѣе точно опредѣлить періодъ, когда было написано это произведеніе.

¹⁾ Таково же заявленіе А. С. Данилевскаго. Согласіе въ показаніяхъ этихъ лицъ имѣетъ для подтвержденія нашего мнѣнія не малое значеніе, которое еще болѣе возрастаетъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что упомянутое согласіе не основывается на простой случайности. Гоголь, Прокоповичъ и Данилевскій составляли, какъ можно видѣть изъ разсказовъ послѣдняго (см. В. И. Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 41), тѣсный литературный кружокъ,—на общія средства выписывали они книги и вмѣстѣ читали ихъ. Вполнѣ естественно, что при этомъ оба товарища могли близко познакомиться съ Гоголемъ. Результатомъ такого знакомства и является согласіе въ ихъ показаніяхъ.

²⁾ Здѣсь приходится еще рассмотреть одинъ доводъ, мимоходомъ приведенный В. И. Шенрокомъ въ пользу защищаемого имъ мнѣнія („Матеріалы“, т. I, стр. 121 прим.): указавъ на слѣдующія слова „Авторской исповѣди“: „Первые мои опыты, первые упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти все въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мною въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ“ („Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 248), Шенрокъ добавляетъ: „Этимъ признаніемъ, между прочимъ, рѣшительно опровергается... предположеніе... Прокоповича, что „Ганцъ Кюхельгартенъ“ принадлежитъ будто бы времени перѣзда автора въ Петербургъ“. Подобный выводъ является довольно неожиданнымъ и даже непонятнымъ: неужели изъ того, что Гоголь получилъ навыкъ къ „серьезному роду“ сочиненій (къ которымъ принадлежитъ и „Г. К.“) въ послѣднее время пребыванія въ школѣ, слѣдуетъ, что онъ не могъ писать такихъ же и по выходѣ изъ нея? Впрочемъ, самъ В. И. Шенрокъ противорѣчитъ (что далеко не рѣдкость въ его работѣ, срв. О. А. Витбергъ, „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“, СПб. 1892) такому толкованію словъ „Авторской исповѣди“, находя возможнымъ въ примѣчаніи на 159 стр. отнести возникновеніе идилліи ко времени пребыванія Гоголя въ деревнѣ по окончаніи гимназіи.

Мы уже упоминали (а ниже еще подробнѣе будемъ говорить объ этомъ), что Ганцъ является носителемъ высокихъ стремленій, одушевлявшихъ Гоголя какъ въ послѣдніе годы пребыванія въ гимназій, такъ и послѣ переселенія его въ Петербургъ; кромѣ того, изъ писемъ видно, что поэтъ поставилъ цѣлью своей жизни осуществленіе этихъ стремленій¹⁾ и вѣрилъ въ возможность такого осуществленія²⁾: даже письмо Высоцкаго, въ которомъ послѣдній старался изобразить всѣ трудности и неудачи, грозящія его другу, не охладило послѣдняго и не поколебало его вѣры: „Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде“, отвѣчаетъ Гоголь на это письмо: „и снѣшу соединиться съ тобою, хотя ты меня ужаснулъ чудовищами великихъ препятствій. Но они безсильны; или—странное свойство человѣка!—чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Въмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе“³⁾.

Обратимъ теперь вниманіе на то, что Гоголь въ концѣ идилліи (XVII—XVIII карт.) заставляетъ своего героя отказаться отъ идеальныхъ стремленій, возвратиться въ родную деревню и

... въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать⁴⁾.

Если сопоставить всѣ сообщенные выше факты, то кажется просто невѣроятнымъ, чтобы конецъ „Г. К.“ былъ на-

¹⁾ „Сочиненія и письма Н. В. Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 44, 47—48, 50 и, въ особенности, 67; „Русск. Старина“, 1876 г., № 1, стр. 41, 44.

²⁾ Правда, Гоголь зналъ, что его ожидаютъ впереди многія препятствія, но онъ надѣялся одолѣть ихъ при помощи своего трудолюбія и твердой воли. Характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій отрывокъ изъ письма къ матери отъ 15 декабря 1827 г.: „развѣ я не умѣю трудиться? развѣ я не имѣю твердаго непоколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ которымъ можно будетъ все побѣждать?“ („Сочиненія и письма Н. В. Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 69).

³⁾ П. В. Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, стр. 41.

⁴⁾ „Сочин. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 38.

писанъ Гоголемъ до прїѣзда въ Петербургъ: неужели, несмотря на все одушевленіе высокими стремленіями, несмотря на всю вѣру въ ихъ осуществленіе, Гоголь могъ заставить Ганца, въ которомъ онъ изобразилъ самого себя, сдѣлавъ его носителемъ этихъ стремленій, эстетунить передъ трудностями, разочароваться, отказаться отъ желанія привести свои завѣтныя думы въ исполненіе? Нѣтъ, повторяемъ, это невѣроятно.

Между тѣмъ, подобный переворотъ въ своемъ героѣ могъ изобразить Гоголь именно въ первое время пребыванія въ столицѣ; это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ въ жизни нашего писателя: неудачи за неудачами сыпались на его голову; всѣ обстоятельства, какъ нарочно, сложились такъ, что его повсюду встрѣчали одні прпятствія и непріятности. Вполнѣ естественно, что Гоголя, смотрѣвшаго уже на самый прїѣздъ въ Петербургъ, какъ на огромный шагъ къ осуществленію „высокихъ начертаній“, должна была постигнуть страшная реакція: все, что прежде влекло къ себѣ, что казалось такимъ прекраснымъ, поблекло и потеряло свою притягательную силу¹⁾; и наоборотъ — должно было явиться невольное сожалѣніе о жизни въ далекой родной деревнѣ, съ которой, видно, Гоголь разставался безъ особой скорби²⁾, всецѣло поглощенный мечтами о своей будущей дѣятельности въ столицѣ³⁾.

¹⁾ Лишь отчасти отразилось подобное настроеніе въ первомъ письмѣ изъ Петербурга, гдѣ говорится о хандрѣ, о неудачахъ, „которые совершенно обравнодушили ко всему“ Гоголя, о разочарованіи столицей („Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 77).

²⁾ Въ письмѣ къ Косиаровскому отъ 8 сентября 1828 г. говорится: „Признаюсь, меня самого не беретъ охота ворочаться когда-либо домой“ („Русская Старина“, 1876 г., № 1, стр. 43).

³⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что подобное настроеніе не было особенно продолжительно; уже изъ письма отъ 30 апрѣля 1829 г. видно, что Гоголь вновь ободрился: въ словахъ его опять слышится твердая вѣра въ свои силы, надежда на достиженіе цѣли („Сочиненія и письма П. В. Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 78 сл.).

Вотъ подъ вліяніемъ этого настроенія и были созданы послѣднія картины „Г. К.“, гдѣ Гоголь заставилъ своего героя отказаться отъ осуществленія прежнихъ стремленій и предпочесть тихую жизнь въ кругу своей семьи.

Кромѣ этого общаго доказательства можно привести еще нѣкоторыя частныя соображенія въ защиту высказаннаго выше положенія.

Обратимъ вниманіе на слѣдующій отрывокъ XVII картины:

Дивится самъ онъ ¹⁾ суетѣ:
Какъ былъ измученъ онъ судьбою,
И зло смѣется надъ собою:
Что повѣрялъ своей мечтой
Свѣтъ ненавистной, слабоумной;
Что задивился въ блескъ пустой
Своей душою неразумной;
Что, не колеблясь, смѣло онъ
Симъ людямъ кинулся въ объятья
И, околдованъ, охмеленъ,
Въ ихъ злыя вѣрилъ предпріятыя.
Какъ гробы холодны они;
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки;
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги, и близки.
Они позорятъ дивный даръ:
И попираютъ вдохновенье,
И презираютъ откровенье;
Ихъ холоденъ притворный жаръ,
И гибельно ихъ пробужденье.
О, кто бѣ ветрепетно проникъ
Въ ихъ усыпительный языкъ!
Какъ ядовито ихъ дыханье!
Какъ ложно сердца трепетанье!
Какъ ихъ коварна голова!

¹⁾ Возвращающійся домой Гандъ.

Какъ пустозвучны ихъ слова!

И много истинъ онъ, печальный,
Теперь извѣдалъ и узналъ,
Но самъ счастливѣе ли сталъ
Во глубинѣ души опальной?
Лучистой, дальнею звѣздой
Его влекла, тянула слава,
Но ложенъ чадъ ея густой,
Горька блестящая отравя ¹⁾.

Въ этомъ отрывкѣ выражено полное разочарованіе и къ мечтахъ, и въ людяхъ, и въ славѣ, при чемъ по самому тону рѣчи видно, что авторъ живо перечувствовалъ все то, что вылилось въ приведенныхъ строкахъ. У насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Гоголь испыталъ подобное разочарованіе до пріѣзда въ Петербургъ —наоборотъ: даже тѣ скудные источники, по которымъ можно судить о внутренней жизни нашего поэта во время пребыванія въ деревнѣ ²⁾, позволяютъ думать, что и передъ самымъ отправленіемъ въ столицу онъ стремился, какъ и прежде, осуществить свои мечты.

Лишь съ пріѣздомъ въ Петербургъ впервые постигло его такое разочарованіе (см. выше, стр. 24 сл.); тогда же у него могло явиться и сильное раздраженіе противъ людей, которое послужило причиной столь суроваго ихъ осужденія. Правда, слѣдуетъ сказать, что Гоголь рано сталъ подмѣчать въ людяхъ недостатки ³⁾, что порой давало ему поводъ къ презрительнымъ о нихъ отзывамъ; однако, присматриваясь внимательнѣе къ его письмамъ, можно вывести заключеніе, что эти презрительные отзывы касались не всѣхъ вообще людей, а скорѣе опредѣленныхъ личностей, близко знакомыхъ

¹⁾ „Соч. Н. В. Гоголя“, изд. X. т. V, стр. 36—37.

²⁾ Два письма къ Косиоровскому — въ „Русской Старинѣ“, 1876 г., № 1, стр. 43—45.

³⁾ „Сочинения и письма Н. В. Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 44.

поэту. Такъ напр., высказавъ въ одномъ изъ писемъ къ Высоцкому рѣзкое сужденіе о „существователяхъ“ Нѣжина, о своихъ наставникахъ и товарищахъ, которые „задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка,“ ¹⁾ онъ въ другомъ письмѣ заявляетъ: „Половина нашихъ думъ сбылась: ты ужъ на мѣстѣ ²⁾, уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ“. Изъ этихъ словъ видно, что жители Петербурга представлялись Гоголю людьми достойными, которые не живутъ въ сферѣ узкихъ, личныхъ интересовъ, какъ „существователи“ Нѣжина, но заботятся о благодѣиіи обществу и въ состояніи оцѣнить заслуги человѣка передъ отечествомъ ³⁾. Послѣ сказаннаго легко себѣ представить тяжелое чувство обманутаго въ своихъ надеждахъ Гоголя, когда онъ, по прїѣздѣ въ Петербургъ, убѣдился, что и здѣсь люди такъ же ничтожны, какъ и въ Нѣжинѣ ⁴⁾. Подъ вліяніемъ этого чувства у него и вылились противъ всѣхъ вообще людей тѣ жестокіе упрёки, которые мы находимъ въ XII картинѣ.

Можно привести еще одно доказательство въ пользу защищаемаго нами мнѣнія о времени возникновенія „Г. К.“

Въ письмѣ отъ 30 апрѣля 1829 г. Гоголь сообщаетъ своей матери: „Но впрочемъ мои работы повернулись, и я, наблюдая внимательно за ними, надѣюсь въ недолгомъ времени добыть же что-нибудь“ ⁵⁾. Такъ какъ Гоголь тогда не имѣлъ никакого опредѣленнаго занятія, то не безъ основанія можно думать, что подъ „работами“ нужно разумѣть „литературныя

¹⁾ Тамъ же, стр. 56.

²⁾ Г. И. Высоцкій служилъ въ то время въ Петербургѣ.

³⁾ Не только эти отрывки, но и вообще всѣ письма къ Высоцкому могутъ служить подтвержденіемъ высказаннаго мнѣнія.

⁴⁾ Срв. „Сочиненія и письма Н. В. Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 79, 85.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 80.

работы“; въ это время поэтъ могъ готовить къ печати „Г. К.“ или приступить къ сочиненію повѣстей изъ мало-русскаго быта. Сравнивается, на какую же именно изъ этихъ двухъ работъ намекаетъ письмо. Намъ кажется—на первую: для повѣстей тогда Гоголь еще собиралъ только матеріалы ¹⁾ и не предполагалъ издавать ихъ скоро, ²⁾ а между тѣмъ въ письмѣ сказано, что благодаря своимъ работамъ онъ надѣется „въ недалгомъ времени добыть“ кое-что.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ выше доказательствъ, мы приходимъ къ заключенію, что конецъ идилліи былъ написанъ Гоголемъ въ Петербургѣ; что же касается I—XVI картинъ ея, то онѣ были созданы поэтомъ во время жизни въ деревнѣ, по окончаніи гимназіи: въ нихъ всюду ³⁾ сильно даютъ себя чувствовать увлеченіе широкими планами, увѣренность въ ихъ осуществленіи, и не замѣтно еще того разочарованія, которое такъ рѣзко бросается въ глаза при чтеніи послѣдней части.

Принявъ во вниманіе все сказанное выше, можно представить исторію созданія „Г. К.“ въ слѣдующемъ видѣ.

Чтеніе „Луизы“ Фосса ⁴⁾ произвело на Гоголя сильное впечатлѣніе, вѣроятно, своими описаніями природы ⁵⁾ и деревенской жизни ⁶⁾,—этимъ только и можно объяснить, почему онъ рѣшился написать произведеніе въ подражаніе ей.

¹⁾ Тамъ же, стр. 81.

²⁾ Тамъ же, стр. 88.

³⁾ За исключеніемъ XIII картины (см. ниже, стр. 30, прим. 1).

⁴⁾ Съ „Луизой“ Гоголь познакомился по переводу Теряева (С.-Пб. 1820; оригиналъ не былъ ему доступенъ, потому что онъ зналъ нѣмецкій такъ же плохо, какъ и другіе иностранные языки (см. статью Лавровскаго въ „Извѣст. Ист.-Фил. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, 1871 г., т. III, стр. 153 сл.).

⁵⁾ Гоголь любилъ описанія природы, какъ можно заключить изъ того факта, что, будучи еще въ гимназіи, самъ сочинялъ такія описанія (см. „Воспоминанія Данилевскаго“—въ „Ученическихъ годахъ Гоголя“ В. И. Шенрока, стр. 41, прим.).

⁶⁾ Гоголь въ своихъ письмахъ неоднократно съ восторгомъ вспоминаетъ о жизни въ деревнѣ („Соч. и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 60, 63).

Весьма вѣроятно, такое рѣшеніе состоялось не сразу: сначала поэтъ могъ набросать нѣсколько отрывковъ, сдѣлать нѣсколько описаній, весьма напоминающихъ Фоссовы; потомъ мало-по-малу пришелъ къ мысли создать собственную идиллію и, отступая отъ оригинала, выдвинуть на первый планъ жениха героини, изобразивши въ немъ самого себя.

Исходя изъ того факта, что картины „Г. К.“ отрывочны и мало связаны между собою, можно думать, что авторъ не представлялъ себѣ ясно плана всего произведенія, но, постепенно сочиняя подъ вліяніемъ того или другого впечатлѣнія картину за картиной, старался внѣшнимъ образомъ связать ихъ между собою. Да это и понятно: тогда еще у Гоголя не было достаточно силъ для созданія цѣльнаго художественнаго образа,—онъ способенъ былъ вдохновляться лишь отдѣльными представленіями. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Гоголь въ деревнѣ могъ написать часть идилліи (I—XVI), не зная при этомъ вовсе, какъ закончить свое произведеніе.

Когда же, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ испыталъ рядъ неудачъ, заставившихъ его на время охладѣть къ своимъ „начертаніямъ“ и съ сожалѣніемъ вспоминать о тихой жизни въ деревнѣ, тогда-то и былъ созданъ конецъ идилліи, гдѣ рассказываетъ, что разочарованный герой возвращается на родину и, отказавшись отъ широкихъ плановъ, замыкается въ тѣсномъ семейномъ кругу; при этомъ, конечно, Ганцу были приписаны, какъ и прежде, тѣ мысли и чувства, которыя волновали самого автора въ то тяжелое для него время.

Однако удрученное состояніе духа у Гоголя не было продолжительно (см. выше, стр. 24, прим. 3): вскорѣ онъ благодаря собственной энергіи пріободрился. „Если въ одномъ неудача“, говорилъ онъ: „можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и т. д.“¹⁾. Вотъ онъ и поступилъ со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 82.

образно этому правилу: потерѣвъ неудачу въ служебной карьерѣ, онъ рѣшилъ попытать счастья, какъ писатель—къ его услугамъ была идиллія. Подвергнувъ ее пересмотру и исправленію¹⁾ съ цѣлью придать ей хоть сколько-нибудь законченный видъ (на эту работу и намекаетъ Гоголь въ письмѣ къ матери отъ 30 апрѣля 1829 г.; см. выше, стр. 27 сл.), онъ сдаетъ ее въ началѣ мая въ типографію²⁾.

Итакъ, значить, „Г. К.“ былъ написанъ въ теченіе второй половины 1828 и первой половины 1829 г.

III. Данные для біографіи Гоголя въ идилліи „Ганцъ Кюхель-гартенъ“.

риступая къ разсмотрѣнію „Г. К.“ съ біографической точки зрѣнія, необходимо напередъ отмѣтить, что въ этой идилліи найдется мало новыхъ данныхъ, которыя не были бы уже извѣстны изъ другихъ источниковъ; но все-таки значеніе ея для жизнеописанія нашего поэта несомнѣнно: она—въ I-XVI картинахъ—является весьма важнымъ источникомъ для знакомства съ внутренней жизнью Гоголя за время пребыванія его въ деревнѣ, по окончаніи гимназіи, такъ какъ изъ двухъ относящихся къ этому періоду писемъ³⁾ лишь одно сообщаетъ кое-какіе факты, интересные въ этомъ отношеніи. Кромѣ

¹⁾ Во время этой переработки были съ одной стороны выпущены нѣкоторыя картины (V, XII, XIV, XV), съ другой—вставлены; такова, вѣроятно, XIII картина: въ ней уже слышится разочарованіе и грусть.

²⁾ Весьма вѣроятно, что въ составъ „Г. К.“ входило и стихотвореніе „Италія“, которое было напечатано Гоголемъ въ № 12 „Сына Отечества и Сѣвернаго Архива“ 1829 г., вышедшемъ 23 марта. Гоголь опубликовалъ раньше часть своей идилліи, желая узнать, удостоится ли его стихи печати (см. Николая М. „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 65).

³⁾ „Русская Старина“, 1871 г., № 1, стр. 43 сл.

того, изучая внимательно конецъ идиллии, можно представить все нравственно пережитое Гоголемъ по приѣздѣ въ Петербургъ яснѣе, чѣмъ только на основаніи скудныхъ сообщеній А. С. Данилевскаго¹⁾ и писемъ²⁾.

Обращаясь послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ изложенію біографическихъ данныхъ, какія можно найти въ „Г. К.“, мы должны прежде сообщить вкратцѣ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. Дѣло въ томъ, что въ I—XVI картинахъ названнаго произведенія отразился планъ будущей дѣятельности, который поэтъ долго носилъ въ своей душѣ. Правильно понять и оцѣнить то, что сообщается относительно этого плана въ идиллиі, мы будемъ въ состояніи только послѣ предварительнаго ознакомленія съ его зарожденіемъ и послѣдующимъ развитіемъ.

Рано началъ Гоголь задумываться о своей будущей дѣятельности—еще тогда, когда его сверстники интересовались играми³⁾. Можно довольно точно опредѣлить это время: въ письмѣ къ Косиаровскому отъ 3 октября 1827 г. поэтъ говоритъ о себѣ, что онъ уже „около трехъ лѣтъ держится одной цѣли“, т. е., какъ видно изъ контекста, намѣренія посвятить свою жизнь служенію государству и общему благу; перенесясь мысленно почти на три года назадъ⁴⁾ отъ указаннаго выше момента, мы наталкиваемся на одно весьма важное событіе въ жизни Гоголя—на смерть отца; оно-то и послужило первымъ толчкомъ къ выработкѣ плана будущей жизни. Нужно замѣтить, что мать нашего писателя была слишкомъ

¹⁾ В. И. Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 114 и прим.

²⁾ Ниже мы не будемъ касаться этого вопроса, такъ какъ уже въ предыдущей главѣ достаточно охарактеризовали нравственное состояніе Гоголя по приѣздѣ его въ Петербургъ.

³⁾ „Сочиненія Гоголя“, изд. X, т. IV, „Авторская Исповѣдь“, стр. 795.

⁴⁾ Точнѣе на 2½ г.: отецъ Гоголя умеръ въ апрѣлѣ 1825 г.

поражена кончиной своего мужа: она не предполагала долго прожить послѣ такого удара и писала своему сыну, что онъ скоро долженъ будетъ занять мѣсто отца по отношенію къ малолѣтнимъ сестрамъ¹⁾; понятно, такое сообщеніе „поселило печальныя предчувствія въ сердца“²⁾ юнаго Гоголя: предъ нимъ во всей грозной силѣ предсталъ вопросъ, да что же онъ будетъ дѣлать, когда умретъ еще и его мать; разсчитывать вѣдь на наслѣдство особенно не приходилось, такъ какъ родителямъ поэта принадлежало всего 80 душъ крестьянъ, да и тѣ онъ долженъ былъ бы раздѣлить между собою и сестрами.

При разрѣшеніи этого труднаго вопроса ему пришли на память наставленія, какія неоднократно онъ слыхивалъ отъ своихъ родителей: не разъ они могли указывать сыну, что онъ въ будущемъ долженъ поступить на должность, приносить своей службой пользу отечеству и т. п.; не даромъ же Гоголь впоследствии называетъ отца своимъ вдохновителемъ, внушающимъ ему благородныя стремленія служить государству и благу себѣ подобныхъ³⁾.

Вполнѣ естественно, что Гоголь въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ увидѣлъ въ государственной службѣ свое будущее поприще. Правда, вначалѣ онъ не надѣялся

¹⁾ „Сочиненія и письма Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 26.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 50. В. И. Шенрокъ отрицаетъ вліяніе родителей на развитіе честолюбивыхъ наклонностей Гоголя—вліяніе, на которое указалъ Кояловичъ („Московский Сборникъ“, 1887 г., стр. 210 сл.), такъ какъ родители Гоголя были „люди самые скромные... и весьма далекіе отъ какихъ бы то ни было честолюбивыхъ грезъ“ („Матеріалы“, т. I, стр. 129). Однако съ этимъ мнѣніемъ согласиться никакъ нельзя: ему противорѣчитъ какъ указанное письмо, такъ и тотъ фактъ, что мать писателя слишкомъ негодовала на наставниковъ, благодаря которымъ ея сынъ получилъ чинъ 14 класса вмѣсто ожидаемаго 12 (См. ея письмо въ „Ученическихъ годахъ Гоголя“ Шенрока, стр. 112).

достигнуть здѣсь какихъ-либо особенныхъ результатовъ ¹⁾, что было вполнѣ естественнымъ, а скорѣе всего смотрѣлъ на службу съ практической точки зрѣнія, т. е., какъ на средство, могущее вывести его изъ затруднительнаго положенія.

Однако, взглядъ такой не былъ продолжителенъ. Почти каждый, достигнувъ извѣстной цѣли, не останавливается на этомъ: въ его головѣ рождаются новые, еще болѣе широкіе планы, которые онъ стремится осуществить. Если это можно сказать почти о всякомъ человѣкѣ, то тѣмъ болѣе такое правило приложимо къ личностямъ гениальнымъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и нашъ великій писатель. Не удивительно поэтому, что, придумавъ средство для выхода изъ затрудненія, онъ очень скоро пересталъ довольствоваться этимъ, — къ чему-то большему, а не только къ достиженію личнаго обезпеченія влекло его теперь.

Между тѣмъ для точнѣйшаго опредѣленія этого „большаго“ было не мало данныхъ. Выше мы уже упомянули, что сами родители поэта могли указывать ему на обязанность служить отечеству и благу ближнихъ. Подобную же мысль онъ могъ часто встрѣчать на лекціяхъ профессоровъ и въ бесѣдахъ товарищей, — среди послѣднихъ многіе начали еще на школьной скамьѣ задумываться надъ будущей своей дѣятельностью ²⁾; на нее же онъ могъ наталкиваться и въ книгахъ, которыхъ, кстати сказать, онъ прочелъ не малое количество ³⁾.

¹⁾ „Что касается до меня“, отвѣчаетъ онъ на опечалившее его письмо матери (см. выше): „то я совершу свой путь въ семь міровъ, и ежели не такъ, какъ предназначено всякому человѣку, по крайней мѣрѣ буду стараться сколько возможно быть таковымъ“ („Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 26).

²⁾ О. А. Витбергъ, „Н. В. Гоголь и его новый биографъ“, стр. 33 сл.; Кояловичъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1887 г., стр. 212 сл.

³⁾ Еще въ очень раннихъ письмахъ Гоголя къ родителямъ то и дѣло встрѣчается просьба о высылкѣ книгъ „на прочетъ“. См. „Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 10, 11, 13, 14, 17, 18 и многія другія.

Но еще большее значеніе въ этомъ отношеніи могъ имѣть примѣръ родственника поэта—Д. П. Трощинскаго, который, будучи по своему происхожденію простымъ козакомъ, добился сана министра, благодаря своему уму и трудолюбію ¹⁾. Къ этому вельможѣ, съ которымъ довольно часто приходилось встрѣчаться, Гоголь долгое время относился съ глубокимъ уваженіемъ, видя въ немъ человѣка, оказавшаго величайшія услуги родинѣ ²⁾.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и сложился у нашего писателя новый, возвышенный взглядъ на службу: онъ хочетъ теперь уже занять государственную должность не изъ чисто практическихъ цѣлей—нѣтъ, благодаря ей онъ надѣется принести пользу отечеству, сдѣлать многое для блага своихъ ближнихъ ³⁾ и пріобрѣсть себѣ славу, а живой примѣръ, который онъ имѣлъ въ лицѣ Трощинскаго, подкрѣплялъ его надежды, ясно указывая на возможность ихъ осуществленія. Конечно, наиболее подходящимъ мѣстомъ для такой широкой дѣятельности являлся Петербургъ; вотъ почему Гоголь вмѣстѣ съ Высоцкимъ рѣшилъ поселиться здѣсь по окончаніи образованія ⁴⁾.

Таковъ былъ планъ будущей дѣятельности, выработанный юнымъ поэтомъ незадолго до выхода изъ гимназіи. Однако, необходимо указать на одно весьма важное обстоятельство для полной характеристики очерченнаго выше плана: послѣдній не былъ обдуманъ, взвѣшенъ со всѣхъ сторонъ, а являлся скорѣе продуктомъ горячей юношеской мечты. Самъ Гоголь говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Высоцкому отъ 26 іюня 1827 г.:

„Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно жить въ такомъ райскомъ мѣстѣ (т. е. въ Петербургѣ),

¹⁾ Кояловичъ въ „Московскомъ Сборникѣ“, 1887 г., стр. 211 сл.

²⁾ Срв. „Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, стр. 36, 40, 41.

³⁾ Тамъ же, стр. 41, 50, 67, 71.

⁴⁾ Срв. Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, стр. 39 сл.

или неумолимое веретено судьбы зашвырнуть меня съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведеть мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ. Но куда еще неизвѣстно намъ предопредѣленіе судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущемъ? Этимъ богатствомъ я всегда буду надѣленъ. Оно не оставитъ меня во все дленіе жизни“ ¹⁾.

Не удивительно поэтому, что въ планѣ Гоголя было много фантастическаго, много неяснаго и неопредѣленнаго. Не находя удовлетворенія въ окружающей обстановкѣ, онъ хотѣлъ вырваться поскорѣе изъ нея: его влекло изъ презрѣннаго Нѣжина и изъ безвѣстной родной деревни куда-то вдаль, въ „страну чуждую льдистаго сѣвера“ ²⁾, въ Петербургъ; но это не былъ реальный Петербургъ: Гоголю городъ этотъ, въ противоположность Нѣжину, казался обѣтованной землей, „райскимъ мѣстомъ“, — тамъ онъ надѣялся осуществить „высокія начертанія“ о служеніи благу ближнихъ, встрѣтить свое счастье, испытъ какія-то особенныя удовольствія ³⁾.

Чтобы подобная обрисовка плана Гоголя не показалась голословной, мы приведемъ для ея подтвержденія одинъ особенно характерный отрывокъ изъ письма къ Высоцкому отъ 17 января 1827 г.:

„Половина нашихъ думъ сбылась: ты ужъ на мѣстѣ... а я...“ ⁴⁾ зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастье? зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучить, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпѣніе.

¹⁾ Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, стр. 44 сл.

²⁾ Тамъ же, стр. 25.

³⁾ „Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 44, 45, 47, 50, 55, 58; Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, стр. 25, 29.

⁴⁾ Многоточіе въ подлинникѣ.

Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ“¹⁾).

Въ чемъ же заключалось благо ближнихъ, которому хотѣлъ служить Гоголь, счастье, удовольствія, которыя онъ предполагалъ найти? На подобный вопросъ мы не можемъ отвѣтить ничего опредѣленнаго; самъ поэтъ не имѣлъ объ этомъ точнаго представленія: то онъ мечтаетъ о государственной службѣ вообще, то хочетъ посвятить себя юриспруденціи²⁾, то вдругъ соглашается ѣхать за границу³⁾. Отсюда можно вывести заключеніе, что Гоголя увлекали общія, неясныя, хотя и высокія идеи, но какъ реализовать ихъ въ жизни, этого онъ и самъ не зналъ⁴⁾.

Послѣ характеристики плана будущей дѣятельности, разработаннаго Гоголемъ въ концѣ школьнаго періода, мы попытаемся на основаніи I—XVI картинъ „Г. Р.“ рѣшить слѣдующіе вопросы: остался ли нашъ поэтъ вѣренъ этому плану во время пребыванія въ деревнѣ, по выходѣ изъ гимназіи, или отказался совершенно отъ него, или же, наконецъ, только подвергъ его нѣкоторымъ измѣненіямъ?

Замѣтимъ прежде всего, что Гоголь изображаетъ своего героя Ганца недовольнымъ окружающей его дѣйствительностью:

Ему (Ганцу) казалось душно, пыльно

Въ сей позаброшенной странѣ,⁵⁾

т. е. въ родной деревнѣ; остаться здѣсь, съ его точки

¹⁾ Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, стр. 40.

²⁾ „Русская Старина“, 1876 г., № 1, стр. 41.

³⁾ Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, стр. 42.

⁴⁾ Увлеченіе, мечтательность, неопредѣленность, дающія такъ сильно себя чувствовать при разсмотрѣніи плана жизни Гоголя, обязаны въ немалой степени своимъ происхожденіемъ романтическимъ произведеніямъ, съ которыми нашъ писатель былъ довольно хорошо знакомъ (см. ниже, стр. 46 и слѣд.).

⁵⁾ „Сочиненія Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 15.

зрѣнія, все равно, что „погибнуть душою“, „при жизни быть для міра мертву“¹⁾. Вполнѣ понятно, что, разъ онъ не находилъ удовольствія въ жизни на родинѣ, то, значить, съ одной стороны, онъ выработалъ какіе-то планы, которыхъ нельзя было осуществить у себя дома, съ другой—стремился удалиться отсюда, подыскать болѣе подходящее мѣсто для приведенія ихъ въ исполненіе. Однако, если бы мы захотѣли ближе познакомиться съ этими планами и мѣстомъ, куда стремился Ганцъ, то намъ бы не удалось прийти ни къ какимъ положительнымъ выводамъ: герой идилліи—мечтатель; онъ не въ состояніи чисто разсудочно обдумать все это; его просто влечетъ въ какую-то „дальнюю, дальнюю сторону“, „въ земли роскошныя края“: тамъ онъ думаетъ осуществить „свои неясныя мечты“ о служеніи міру, о приобрѣтеніи славы, о наслажденіи прекраснымъ и т. п.

Сравнивая эту краткую характеристику Ганца съ тѣмъ, что сообщено было выше о планахъ Гоголя, мы приходимъ къ двумъ важнымъ заключеніямъ: 1) здѣсь находить себѣ подтвержденіе та мысль, которая неоднократно была высказываема нами: въ героѣ идилліи Гоголь изобразилъ самого себя,—въ Ганцѣ мы замѣчаемъ недовольство окружающимъ, мечтательность, стремленіе куда-то вдаль, увлеченіе высокими, но неопредѣленными идеями, т. е. тѣ же черты, которыя отмѣтили мы и въ самомъ авторѣ; 2) планъ будущей дѣятельности, выработанный Гоголемъ въ гимназій, остался безъ измѣненія и во время созданія I—XVI картинъ „Г. К.“, за однимъ, впрочемъ, существеннымъ исключеніемъ. Гоголь, какъ видно изъ писемъ, до самаго выхода изъ гимназій мечталъ о государственной службѣ, а между тѣмъ герой идилліи, желая „отмѣтить свое существованіе“, не поступаетъ на службу, а отправляется въ далекіе чужіе края. Это обстоятельство имѣетъ біографическое

¹⁾ Тамъ же, стр. 22.

значение, указывая на происшедшую въ планѣ поэта перемѣну. Еще въ 1827 г. Высоцкій сообщилъ своему другу изъ Петербурга, что далъ отъ его имени согласіе на предполагаемую поѣздку за границу; Гоголь съ своей стороны не протестовалъ, хотя, очевидно, и не придавалъ особаго значенія этому проекту за его отдаленностью во времени¹⁾. Однако, въ послѣдствіи мысль его, вѣроятно, все чаще и чаще останавливалась на чужихъ краяхъ, и, наконецъ, онъ рѣшаетъ отправиться туда²⁾. Окончательно могло состояться такое рѣшеніе во время пребыванія Гоголя въ деревнѣ, въ чемъ легко можно убѣдиться на основаніи письма къ Косяровскому отъ 8 сентября 1828 г., гдѣ впервые Гоголь поѣздку въ чужіе края называетъ своимъ намѣреніемъ³⁾. Вполнѣ понятно, что это нашло отраженіе и въ написанныхъ тогда картинахъ „Г. К.“.

Какъ же вязалось новое рѣшеніе о поѣздкѣ за границу съ прежними планами Гоголя? Отвѣтить на этотъ вопросъ лучше всего можно словами самого поэта: въ письмѣ изъ Петербурга отъ 24 іюля 1829 г. онъ говоритъ: „Онъ (Богъ) указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсеивать благо и работать на пользу міра“⁴⁾.

Такимъ образомъ, на основаніи сообщенныхъ выше данныхъ, мы вправѣ заключить, что и во время полугодовой жизни въ деревнѣ Гоголя увлекали, какъ и раньше, высокія, но неясныя идеи; только было придумано для осуществленія ихъ новое средство, правда, еще болѣе неопредѣленное, чѣмъ прежнія.

¹⁾ Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, стр. 42.

²⁾ Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 106 сл.

³⁾ „Русская Старина“, 1876 г. № 1, стр. 43 сл.

⁴⁾ „Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, стр. 85.

IV. Данные для истории развития творчества Гоголя въ идиллии „Ганцъ Кюхельгартенъ“.

О созданіи „Г. К.“ Гоголь написалъ нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ произведеній, но о нихъ мы знаемъ лишь по рассказамъ нѣкоторыхъ товарищей поэта, потому что самыя произведенія не сохранились. Такимъ образомъ „Г. К.“ является наиболѣе раннимъ источникомъ для знакомства съ характеромъ и направленіемъ творчества нашего великаго писателя. Отсюда уже само собою становится понятнымъ, сколь важно указать свойства творчества, какія нашли свое выраженіе въ этой идиллии.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ „Г. К.“ ясно проявилась та черта Гоголя, которая имѣла огромное значеніе при опредѣленіи дальнѣйшаго направленія его творчества, хотя и не относилась непосредственно къ послѣднему—это именно убѣжденіе въ томъ, что человѣкъ не долженъ подавлять „корой своей земности, ничтожнаго самодовольствія свое высокаго назначеніе“, что онъ обязанъ жить и дѣйствовать не только для собственнаго блага, но также и „для блага себѣ подобныхъ.“

Подъ вліяніемъ этого убѣжденія въ различное время жизни поэта, нашли и различное примѣненіе двѣ самыя характерныя стороны его таланта: лиризмъ и комизмъ;¹⁾ въ годы мужества, въ годы наибольшаго расцвѣта силъ, Гоголь написалъ рядъ великихъ произведеній, въ которыхъ осмѣивалъ людей, уклонившихся отъ „высокаго назначенія“, тогда какъ въ предшествующую эпоху своей жизни, въ дни юности, онъ

¹⁾ П. В. Владиміровъ, „Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя“, Кіевъ 1891, стр. 5; Кояловичъ въ „Московскомъ Сборникѣ“, 1887 г., стр. 204 сл.

отразилъ въ своихъ созданіяхъ увлеченіе завѣтными мечтами о своемъ будущемъ служеніи счастью ближнихъ ¹⁾).

Такова именно и была идиллія „Г. К.“ ²⁾: герой ея въ которомъ Гоголь изобразилъ, какъ это уже было нѣсколько разъ упомянуто, самого себя, всецѣло поглощенъ высокою мыслью о томъ, чтобы не быть при жизни „для міра мертву“, чтобы „обозначить свое существованіе“, и ради приведенія ея въ исполненіе покидаетъ родину и невѣсту. Правда, въ концѣ концовъ, онъ отказывается отъ осуществленія своей мечты, но это обстоятельство не имѣетъ особаго значенія для характеристики Гоголя: подобный переворотъ въ героѣ допустилъ поэтъ, какъ было указано выше, подъ вліяніемъ сильнаго, но быстро миновавшаго разочарованія, постигнаго его тотчасъ же по пріѣздѣ въ столицу.

Но кромѣ лиризма и убѣжденія въ высокомъ назначеніи человѣка въ „Г. К.“ отразились и другія характерныя черты нашего великаго писателя. Къ таковымъ относится прежде всего художественная фантазія, т. е. то свойство, благодаря которому поэтъ получаетъ возможность придумать извѣстный сюжетъ, создать тѣ или другіе типы, ярко обрисовать картину природы или человѣческой жизни.

Правда, обращаясь къ интересующему насъ произведенію, приходится сказать, что это свойство въ слишкомъ небольшой степени обнаружилось здѣсь: сюжетъ и дѣйствующія лица „Г. К.“ заимствованы Гоголемъ, какъ это будетъ показано въ слѣду-

¹⁾ Подобное распредѣленіе произведеній различныхъ родовъ по эпохамъ жизни Гоголя не имѣетъ безусловнаго значенія: еще во время пребыванія въ гимназій поэтъ сочинилъ „Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ“, гдѣ осмѣялъ жителей этого города; кромѣ того, есть лирическія произведенія, относящіяся къ позднѣйшимъ годамъ его жизни.

²⁾ Нашла ли свое выраженіе мысль о высокомъ назначеніи человѣка въ предшествующихъ потерянныхъ сочиненіяхъ Гоголя, на подобный вопросъ вполнѣ опредѣленно отвѣтить, конечно, нѣтъ возможности; но во всякомъ случаѣ есть основаніе утверждать это о сатирѣ „Нѣчто о Нѣжинѣ“ и отрицать, говоря о балладѣ „Двѣ рыбки“, кажется, первомъ произведеніи нашего писателя.

ющей главѣ, у Фосса ¹⁾); уклоненіе отъ идилліи названнаго нѣмецкаго поэта, послѣдней заглавіе „Луиза“, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что нашъ писатель измѣнилъ образъ жениха героини и, выдвинувъ его на первый планъ, сдѣлалъ центральной личностью; впрочемъ, и этотъ образъ не былъ придуманъ имъ, а навѣянъ со стороны (подробнѣе объ этомъ ниже).

Только въ описаніяхъ природы, гдѣ Гоголь часто отступаетъ отъ своего оригинала, сказалась его художественная фантазія. Многія изъ такихъ описаній очень красивы и обнаруживаютъ опытность автора ²⁾; обстоятельство это объясняется тѣмъ, что, будучи еще въ гимназій, Гоголь сочинялъ стихотворенія, въ которыхъ изображалъ природу (см. выше, стр. 28, прим. 5).

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить, что въ „Г. К.“ нашла свое выраженіе еще одна важная сторона творчества Гоголя: это наблюдательность, т. е. то свойство, благодаря которому поэтъ подмѣчаетъ трудно уловимыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ важныя черты въ природѣ и въ людяхъ; сохраняя ихъ въ памяти, онъ потомъ обрабатываетъ ихъ въ цѣльные образы при помощи художественной фантазіи. Разсматривая внимательно идиллію, приходится вывести заключеніе, что наблюдательность была очень развита въ юномъ поэтѣ: это доказываютъ не только описанія природы, но, въ особенности, разсѣянные по всему произведенію мѣткія изображенія психическихъ состояній

¹⁾ Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 119, 138.

²⁾ Въ картинахъ I, IV, X, XI, XIII, XIV, XVII, XVIII и другихъ; напр.:

Блистательно всю рощу оглашаетъ
Царь соловей. Звукъ тихо разнесенъ.
Чуть дышетъ ночь; земля сквозь сонъ
Мечтательно пѣвцу внимаешь.
Лѣсъ не колышется; все спитъ,
Лишь вдохновенна пѣснь звучитъ (стр. 29).

дѣйствующихъ лицъ, свидѣтельствующія, что авторъ ихъ былъ уже не малымъ знатокомъ человѣческой души ¹⁾).

Итакъ, въ эпоху созданія „Г. К.“ Гоголь обладалъ уже весьма важными для будущаго великаго поэта качествами: убѣжденіемъ въ высокомъ назначеніи человѣка, лиризмомъ (а также комизмомъ) и тонкой наблюдательностью; только одна художественная фантазія не была у него еще достаточно развита: этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется, что, описывая очень удачно природу и отдѣльныя психическія состоянія, онъ не могъ въ то же самое время создать цѣльнаго художественнаго образа: поэтому ему и пришлось дѣйствующихъ лицъ своей идилліи позаимствовать у другихъ.

V. Вліяніе иностранной и русской литературы въ идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ“.

 въ предыдущихъ главахъ было нѣсколько разъ упомянуто, что „Луиза“ Фосса послужила во многихъ отношеніяхъ образцомъ для идилліи Гоголя. Здѣсь мы постараемся подтвердить это положеніе, опредѣливъ болѣе точно степень зависимости „Г. К.“ отъ названнаго произведенія нѣмецкаго поэта.

Обратимся прежде всего къ разсмотрѣнію сюжетовъ.

Хотя идиллія Фосса и довольно велика по своему объему ²⁾, но сюжетъ ея очень не сложенъ и можетъ быть переданъ въ нѣсколькихъ словахъ: слишкомъ ужъ много мѣста

¹⁾ Срв. изображеніе дѣтства героевъ и перехода ихъ въ юношескій возрастъ (II картина); состояніе Ганца при прощаніи съ Луизой (IX); тоска ея послѣ удаленія жениха (X, XI); встрѣча героевъ послѣ разлуки (XVIII) и др.

²⁾ Въ изд. J. Kürschner'a, Deutsche National-Litteratur, B. 49, она занимаетъ болѣе 60 стр.

въ ней отведено самымъ подробнымъ, часто крайне утомительнымъ описаніямъ домашней обстановки, обѣдовъ и пр. ¹⁾).

Дочь пастора Луиза любитъ молодого человѣка по имени Вальтера, который отвѣчаетъ ей взаимностью; родители героини покровительствуютъ сердечному влеченію своей дочери; чрезъ нѣкоторое время она объявлена невѣстой Вальтера, а вскорѣ становится и его женой.

Обращаясь къ идилліи Гоголя, приходится отмѣтить разительное сходство ея сюжета съ очерченнымъ выше: главныя дѣйствующія лица ея Ганцъ и Луиза любятъ взаимно другъ друга, пользуются сочувствіемъ родителей и, въ концѣ концовъ, вступаютъ въ бракъ, т. е. все такъ же, какъ и у Фосса. Но на ряду съ этимъ сходствомъ замѣчается весьма существенное различіе: центральной личностью въ произведеніи нашего великаго писателя является не Луиза, а ея женихъ; онъ— носитель завѣтныхъ думъ своего создателя и, какъ таковой, отправляется для ихъ осуществленія въ чужіе края, покинувъ свою невѣсту; только лишь послѣ того, какъ имъ овладѣло разочарованіе, онъ возвращается домой и женится на Луизѣ. Такимъ образомъ Гоголь осложнилъ сюжетъ своей идилліи, заставивъ ея героя удалиться изъ родины и скитаться по свѣту въ погонѣ за идеалами.

Такая перемѣна въ сюжетѣ „Г. К.“ не могла не отразиться на его содержаніи: послѣднее во многихъ отношеніяхъ отступаетъ отъ того, что рассказано въ „Луизѣ“. Гоголю пришлось придумать рядъ картинъ, гдѣ съ одной стороны говорится о мечтахъ Ганца, его путешествіи и возвращеніи на родину, съ другой — изображается состояніе невѣсты и ея родныхъ послѣ отъѣзда жениха; для этихъ картинъ, онъ не могъ найти данныхъ въ идилліи Фосса.

¹⁾ Срв. Hillebrand, „Die Deutsche Nationallitteratur seit Lessing bis auf Gegenwart“, Hamburg und Gotta 1850. B. I., S. 352 ff.

Зато во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ остался вѣренъ своему образцу, порой чуть не слово въ слово повторяя его ¹⁾). Такъ, празднованіе дня рожденія героини (въ „Г. К.“ — ея матери), вообще обстановка жизни—все это изображено весьма близко къ „Луизѣ“. Впрочемъ, нужно отмѣтить, что и сюда Гоголь внесъ кое-какія измѣненія: онъ произвелъ значительныя сокращенія, опустилъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, не игравшихъ существенной роли (графиня, Карлъ и др.), и ввелъ новыхъ: среди послѣднихъ заслуживаетъ упоминанія мызникъ Вильгельмъ Баухъ, выступающій въ роли отца Луизы, благодаря чему героиня въ „Г. К.“ оказывается не дочерью „достойнаго“ пастора, какъ у Фосса, а его внучкой по матери.

Что касается характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ (за искл. Ганца), то и они воспроизведены Гоголемъ по нѣмецкому образцу, но обрисованы гораздо блѣднѣе, чѣмъ въ послѣднемъ. Правда, нашъ писатель пытался и ихъ измѣнить до нѣкоторой степени, но это не привело ни къ какимъ результатамъ. Такъ, пасторъ, судя по его же словамъ, произнесеннымъ въ полуснѣ, не былъ простой священникъ, съ юныхъ лѣтъ посвятившій себя служенію Богу, какъ у Фосса, а „злой воинъ“, которому „лютыя дѣла не новостъ“. Разалось бы, что это обстоятельство должно было оказать нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшую характеристику названнаго лица. Однако, подобное предположеніе не оправдывается, и въ слѣдующихъ картинахъ передъ нами выступаетъ довольно точная копія достойнаго пастора von Grünau. Далѣе, въ образѣ героини, какъ онъ представленъ Гоголемъ, не достаетъ одной важной черты Фоссовой Луизы: нѣмецкій поэтъ изображаетъ

¹⁾ Срв. напр. описаніе возвращенія домой послѣ прогулки у Гоголя (стр. 19) и у Фосса (Deutsche National-Litteratur, B. 49, S. 23). Для надлежащей провѣрки высказаннаго выше замѣчанія о близкомъ, порой почти буквально воспроизведеніи нѣмецкаго образа слѣдовало бы сравнить „Г. К.“ съ „Луизой“ въ переводѣ Терьева, которымъ пользовался Гоголь (см. выше, стр. 28, прим. 4), но мнѣ не удалось добыть этой рѣдкой книги.

ее помощницею матери, общающею въ будущемъ сдѣлаться такой же „смышленной“ хозяйкой, какъ и послѣдняя. Лишенная этого характернаго свойства, личность невѣсты Ганца теряетъ въ значительной мѣрѣ ясныя очертанія, особенно въ началѣ идилліи. Простота, любовь къ жениху и порой печаль при мысли, что онъ боленъ—вотъ и все, что можно сказать о ея духовномъ мірѣ. Правда, въ дальнѣйшемъ изложеніи поэтъ пытается нѣсколько точнѣе охарактеризовать Луизу, изобразивъ ея сонъ и ночныя видѣнія, изъ которыхъ мы должны, очевидно, вывести заключенія о ея впечатлительности и мечтательности. Но оба эти свойства какъ-то не вяжутся съ представленіемъ о простенькой деревенской дѣвушкѣ, какое мы получаемъ изъ первыхъ картинъ.

Итакъ, резюмируя сообщенное выше, мы должны сказать, что Гоголь заимствовалъ сюжетъ, содержаніе и дѣйствующихъ лицъ своей идилліи у Фосса, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія и добавленія; только лишь образъ Ганца, рассказъ о его странствованіи и возвращеніи, а также о томъ, что стоитъ въ непосредственной связи съ послѣдними, присочинены имъ.

Теперь невольно возникаетъ вопросъ, дѣйствовалъ ли самостоятельно нашъ писатель, создавая своего героя и повѣствуя о его судьбѣ, или, быть можетъ, и въ этомъ случаѣ онъ воспользовался чимъ-либо произведеніемъ, какъ образцомъ.

Характеризуя въ одной изъ предыдущихъ главъ Ганца, мы отмѣтили въ немъ слѣдующія черты: мечтательность, недовольство окружающей обстановкой, томительное стремленіе вдаль, въ какую-то чудную страну, гдѣ можно осуществить широкіе, но неясные идеалы. Особенно ярко обрисованъ нравственный обликъ Ганца въ слѣдующемъ отрывкѣ:

..... но чего,
Въ волненьяхъ сердца своего,
Искалъ онъ думою неясной,
Чего желалъ, чего хотѣлъ,

Къ чему такъ пламенно летѣлъ
 Душой и жадною, и страстной,
 Какъ будто міръ желалъ обнять,—
 Того и самъ не мѣгъ повѣть.
 Ему казалось душно, пыльно
 Въ сей позаброшенной странѣ,
 И сердце билось сильно, сильно
 По дальней, дальней сторонѣ.
 Тогда когда бъ вы повидали,
 Какъ воздымалась буйно грудь,
 Какъ взоры гордо трепетали,
 Какъ сердце жаждало прильнуть
 Къ своей мечтѣ, мечтѣ неясной;
 Какой въ немъ пылъ кипѣлъ прекрасной;
 Какая жаркая слеза
 Живые наполнила глаза!¹⁾

Прочитавъ даже только приведенный отрывокъ, кажется, никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что Ганцъ заключаетъ въ себѣ типичныя черты героевъ романтическихъ произведеній. Значить, и этотъ образъ созданъ Гоголемъ не вполне самостоятельно, а подъ вліяніемъ знакомства съ романтиками.

Въ началѣ XIX вѣка романтизмъ на Руси былъ довольно широко распространенъ: въ журналахъ 20-хъ годовъ печатались переводы Тика, Ж. П. Рихтера, Шатобріана и другихъ²⁾; раньше и въ тоже время появились произведенія русскихъ писателей такіа, какъ „Людмила“, „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, „Свѣтлана“ Жуковского, многія главы „Евгенія Онѣгина“ и т. п. Выписывая со своими товарищами,³⁾ а также и независимо отъ нихъ,⁴⁾ выдающіяся новинки тогда-

¹⁾ „Соч. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 15.

²⁾ С. Весинъ, „Очеркъ исторіи русской журналистики“, С.-Пб. 1881, стр. 179 сл.

³⁾ В. И. Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 40 сл.; Витбергъ, „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“, стр. 34 сл.

⁴⁾ „Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 51 (здѣсь, между прочимъ, Гоголь сообщаетъ матери, что выписалъ изъ Лемберга соч. Шиллера), 55 и др.

шней литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ отличаясь сильной любовью къ чтенію, Гоголь, несомнѣнно, долженъ былъ хорошо познакомиться съ романтиками. Другимъ источникомъ такого знакомства могли явиться классныя занятія: у профессора Зингера воспитанники Нѣжинской гимназіи переводили Шиллера, Ж. П. Рихтера, Виланда и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Какъ ни былъ невнимателенъ Гоголь въ классѣ, все же невозможно допустить, чтобы онъ не вынесъ ничего изъ этихъ переводовъ ¹⁾.

Но сказать, что Гоголь только читалъ или переводилъ романтическія произведенія, слишкомъ мало: знакомство съ ними не прошло безслѣдно для его духовнаго міра. Подъ ихъ вліяніемъ усилилось его желаніе вырваться изъ окружающей обстановки, принявъ характеръ какого-то сильного, но неопредѣленнаго влеченія вдаль; Петербургъ, а потомъ чужіе края, которыхъ онъ совершенно не зналъ, стали казаться ему обѣтованной землей, гдѣ онъ долженъ найти свое счастье и испытать необыкновенныя удовольствія, а планы о поступленіи на государственную должность превратились въ какія-то неясныя мечты о широкомъ служеніи благу человѣчества (срв. выше, стр. 34 сл.).

Мы уже знаемъ, что это недовольство окружающимъ, стремленіе вдаль и проч. отразились въ героѣ идилліи. Отсюда вытекаетъ весьма важное слѣдствіе: нѣтъ никакого основанія искать для Ганца прототипа въ русской или иностранной литературѣ, — хотя онъ и заключаетъ въ себѣ черты, общія романтическимъ героямъ, но это объясняется не непосредственнымъ литературнымъ заимствованіемъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ, испытавшій на собственной личности сильное вліяніе романтизма и переживавшій его, изобразилъ самого себя въ героѣ идилліи.

¹⁾ „Лицей князя Безбородко“, С.-Пб. 1859, отд. I, стр. 107.

Но если для образа Ганца нельзя найти соответствующей параллели, то, несомненно, при изображении некоторых событий из его жизни и жизни Луизы, Гоголь подражал чужим произведениям.

Такъ, герой идилліи—большой почитатель античнаго міра грековъ: онъ восторгается ихъ произведениями искусствъ, великими дѣлами, вольностью жизни и, въ концѣ концовъ, покидаетъ невѣсту, чтобы посѣтить мѣста, гдѣ они жили. Если преклоненіе передъ древними греками могло возникнуть у нашего писателя подъ вліяніемъ Шиллера, то самая мысль заставить Ганца отправиться въ ихъ страну явилась у него, по всей вѣроятности, при чтеніи повѣсти Шатобріана „Ренэ“, ¹⁾ гдѣ говорится, что герой, оставивъ единственную любимую сестру, уѣзжаетъ въ Грецію и Итацію, страны древнихъ, не существующихъ уже народовъ: сравнивая рассказъ о томъ, что увидѣлъ и почувствовалъ Ренэ въ Греціи, съ XIII карт. „Г. К.“, можно подмѣтить значительное сходство: тамъ и здѣсь мы находимъ изображеніе руинъ произведеній античной архитектуры, ихъ запустѣнія и упоминаніе о порожденномъ картиной ихъ грустномъ настроеніи путника и явившейся у него мысли о бренности человѣка ²⁾.

Нужно сказать, что Гоголь ужъ слишкомъ увлекся въ этомъ случаѣ примѣромъ Шатобріана; онъ и не замѣтилъ, что такое путешествіе не согласуется съ сообщенными имъ же планами Ганца: въ послѣдній, какъ видно изъ VIII картины, мечтаетъ о дѣятельности на пользу міра, о пріобрѣтеніи славы, и вдругъ оказывается (XIII карт.), что онъ попалъ въ Грецію и созерцаетъ ея древности. Очевидно, здѣсь—противорѣчіе, устранить которое нѣтъ возможности.

¹⁾ Переводъ ея былъ напечатанъ въ V ч. „Московского Вѣстника“ за 1827 г.

²⁾ Срв. „Московский Вѣстникъ“, 1827 г., ч. V, стр. 19 сл. и „Соч. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 31 сл.

Такъ какъ Шатобріанъ въ своей повѣсти слишкомъ мало останавливается на изображеніи развалинъ, то вполне понятно, что при описаніи ихъ Гоголь, которому личный опытъ не давалъ въ этомъ случаѣ ничего, долженъ былъ имѣть подъ руками еще какой-нибудь источникъ; таковымъ является стихотвореніе Гёте въ переводѣ Жуковского „Путешественникъ и Поселянка“ ⁴⁾; довольно близкое сходство обнаруживаютъ слѣдующіе отрывки обоихъ произведеній:

„Г. К.“

Колонны, статуи рядъ обветшалый
Среди глухихъ стоитъ равнинъ.
Печальнъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ.
Изящный памятникъ разбитъ,
Изломленъ немощный гранитъ,
Одни обломки уцѣлѣли.
Еще донныя величавы,
Чернѣть дрыхлый архитравъ,
И вьется плоть по капители (стр. 31).

И вьется плющъ по капители (стр. 31).

„Путешественникъ и Поселянка“

Покрытый мохомъ архитравъ!

И плющъ обвѣсилъ

Твой ликъ, божественно-прекрасный.

Какъ величаво

Надъ этой грудю обломковъ

Возносится чета столбовъ!

А здѣсь ихъ одинокій братъ.

О, какъ они —

Въ печальный мохъ одѣвъ главы

СВЯЩЕННЫ—

Скорбя величественно, смотря

На раздробленныхъ

У ногъ ихъ братій! (стр. 86)

Далѣе, обрисовка восточныхъ странъ, какъ она представлена въ IV картинѣ „Г. К.“, была навѣяна начальной стро-
фой поэмы Байрона: „Абидосская Невѣста“. ²⁾

¹⁾ „Соч. В. А. Жуковского“, изд. IX, т. II, С.-Пб. 1895, стр. 84 сл.

²⁾ Переводъ этой поэмы вышелъ въ свѣтъ въ 1826 г.: Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть лорда Байрона. Перевелъ съ англійскаго Иванъ Козловъ. С.-Пб. 1826. Цитаты приведены по изд. Гербеля: „Соч. Лорда Байрона“, т. I, С.-Пб. 1874. Находясь въ Гимназіи Высшихъ Наукъ, Гоголь легко могъ познакомиться съ произведениями Байрона: англійскій поэтъ былъ въ большомъ почетѣ среди учениковъ этого заведенія (см. Н. И. Петровъ, „Очерки исторіи украинской литературы XIX в.“, Кіевъ 1884, стр. 200).

1) „Соч. В. А. Жуковского“, изд. VII, подъ ред. Ефремова, т. I, С.-Пб. 1878, стр. 95 – 103.

„Г. К.“

... Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колоколья,
И блещетъ лучъ на старенькомъ заборѣ.
Цѣлнительно оборотилось все
Внизъ головой въ серебряной водѣ:
Заборъ, и домъ, и садикъ въ ней

такіе жъ;

Все движется въ серебряной водѣ.

(стр. 5).

„Ревельскій Турниръ.“

Свѣтлые спицы колоколень Ре-
вельскихъ горѣли по заливу, и сѣрыя
бойницы Вышгорода, опершись на
утесъ, казалось, росли въ небо—и
будто опрокинутыя, вонзались въ глубь
зеркальныхъ водъ... все было оживле-
но, все дышало радостью, все праздно-
вало возвращеніе весны, воскресеніе
природы. ¹⁾

Наконецъ, въ VIII картинѣ встрѣчаются стихи, весьма напоминающіе одно мѣсто прощальной пѣсни Чайльд-Гарольда или, вѣрнѣе, элегіи Пушкина: „Погасло дневное свѣтило“ ²⁾.

„Г. К.“

Шумы жъ, мой океанъ широкій!
Неси корабль мой одинокій! (стр. 23).

Элегія Пушкина.

Шумы, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Лети, корабль, неси меня къ предѣ-
ламъ дальнимъ.

На основаніи сообщенныхъ въ этой главѣ данныхъ, можно весь процессъ созданія Гоголемъ „Г. К.“ представить себѣ въ такомъ видѣ.

Изображая дѣйствующихъ лицъ названнаго произведенія и рисуя въ немъ картины природы и человѣческой жизни, Гоголь оперировалъ, большею частью, при помощи своей памяти, а художественная фантазія его при этомъ играла вто-

¹⁾ „Русскіе повѣсти и разказы“ А. Марлинскаго, ч. III, С.-Пб. 1838, стр. 159. „Ревельскій Турниръ“ впервые былъ напечатанъ въ альманахѣ „Полярная звѣзда“, 1825 г., стр. 35—102. Кстати, говоря о произведеніяхъ Марлинскаго, необходимо исправить ошибку В. И. Шенрока, могущую ввести въ заблужденіе: въ „Учен. годахъ Гоголя“ сказано, что „хронологія произведеній Марлинскаго почти совсѣмъ не выяснена“ (стр. 136), а между тѣмъ еще въ 1860 году въ „Отеч. Запискахъ“ (т. CXXX, стр. 121 сл., 299 сл.; т. CXXXI, стр. 43 сл.) была помѣщена статья М. И. Семевскаго, гдѣ сочиненія Марлинскаго расположены по годамъ.

²⁾ Элегія эта впервые была напечатана въ „Сынѣ Отечества“, 1820 г., ч. 65, № 46, стр. 271.

ростепенную роль ¹⁾: въ душѣ поэта подь вліяніемъ обильнаго чтенія скопилось множество различныхъ образовъ, которые онъ и переносилъ, по мѣрѣ надобности, въ свою идиллію ²⁾. Исключеній изъ этого общаго правила очень немного: сюда могутъ быть отнесены, прежде всего, личность Ганца и нѣкоторыя черты изъ его жизни.

Конечно, одни изъ упомянутыхъ образовъ сохранились въ памяти нашего писателя съ большей ясностью, другіе—съ меньшей; вотъ почему выше приходилось указывать то весьма близкое сходство отдѣльных мѣстъ „Г. К.“ съ тѣмъ или инымъ произведеніемъ, подчеркивая даже порой одинаковыя выраженія (личность пастора, возвращеніе съ прогулки, видѣнія Луизы и пр.), то довольно отдаленное, заключающееся лишь въ общности представленій объ одномъ и томъ же предметѣ, неизвѣстномъ Гоголю по личному опыту (развалины памятниковъ античной архитектуры, изображеніе восточныхъ странъ).

М. Шаровольскій.

¹⁾ Срв. выше, стр. 40, 42.

²⁾ Есть основаніе думать, что при созданіи „Г. К.“ Гоголь подражалъ не только указаннымъ выше произведеніямъ, но и нѣкоторымъ другимъ; къ сожалѣнію, для надлежащаго доказательства этого предположенія мы не имѣли свободнаго времени.